

Екатерина Суровцева (Россия)

«ПИСЬМО ВОЖДЮ» В РУСЛЕ МИРОВОЙ И РУССКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ТРАДИЦИИ

Изучение литературного наследия писателя, равно как и социокультурной ситуации эпохи, невозможно без обращения к эпистолярным материалам, в которых запечатлены личные, частные, деловые аспекты жизни отдельного человека, но вместе с тем содержатся черты, передающие дух времени. Особенно это касается, на наш взгляд, переписки людей культуры с представителями власти, переписки, которая дает представление о мере свободы и гласности в обществе в определенную эпоху его развития, о приоритетах и системе ценностей, принятых в нем, наконец, о формах сосуществования и взаимодействия культуры и власти. Ведь они во многом определяют пути развития искусства, судьбы его деятелей и их творений, возможности выхода художника к читательской и зрительской аудитории, отношения искусства и действительности. В истории нашей страны, особенно в советский период, когда власть стремилась к жесткому контролю над всеми сферами человеческой деятельности и над искусством в частности, эти формы взаимодействия имели отчетливо иерархический характер. Анализ широкого круга писем деятелей культуры и искусства советским и партийным чиновникам высокого уровня, относящихся к 1920-м – 1950-м годам, дает богатый материал для изучения проблем развития искусства в тоталитарную эпоху.

Жанр письма является одним из древнейших жанров литературы, однако когда пишут об античном наследии, определившем пути развития европейской литературы нового времени, обычно называют эпос, лирику, трагедию и комедию, ораторскую и философскую прозу, а о письмах говорят очень редко, тем более об эпистолярной литературе¹. Причины этого, пожалуй, понятны. Дело в том, что в наше время письмо по существу находится за пределами литературы. В нем забота о художественности обычно стоит на последнем месте; и получаются произведения, интересные и важные для пишущего и получателя, но более ни для кого. Даже письма Толстого или Чехова представляют для нас скорее исторический и биографический, чем художественный интерес. Исключение представляет лишь одна сравнительно небольшая группа писем. Это так называемые «открытые письма» – те, что публикуются в печати, обсуждаются, вызывают отклики и, будучи обращены к конкретному адресату, становятся в то же время фактом общественной и литературной жизни. В античные же времена, можно сказать, почти все письма были «открытыми». Это не значит, что они предназначались для немедленного широкого опубликования; но это значит, что человек, который писал письмо другу, твердо знал, что его письмо прочтет не только адресат, но и другие его друзья, а многие из них перепишут письмо для себя и покажут собственным друзьям, и так далее, и поэтому он заботился о легкости изложения и красоте слога не менее, чем если бы писал речь или трактат. А потом такие письма собирались – иногда самим автором, иногда его корреспондентами и поклонниками – и издавались отдельными книгами к сведению всех любителей изящной словесности. Конечно, не все письма были таковыми. Было достаточно и таких писем, какие мы пишем сейчас: коротких, деловых, небрежных, написанных для того, чтобы прочли, приняли к сведению и

забыли. «А между этими двумя крайностями, письмом художественным и письмом бытовым, было множество переходных ступеней, и каждая из них интересна на свой лад» [Античная эпистолография 1967: 3-4]. Богатый материал для изучения эпистолярного наследия античности дают нам так называемые «античные письмовники», в которых представлено теоретическое осмысление жанра письма: «Эпистолярная литература, сохраненная нам античностью, охватывает число памятников разных эпох, разных авторов и разного содержания от подлинной переписки частных лиц до посланий, обращенных к широкому кругу читателей. <...> Писание писем подчинялось четким стилистическим нормам, разработанным риторикой, и принадлежало таким образом области словесного искусства. Первоначальной сферой, в которой письмо из обиходной переписки превращалось в произведение художественной прозы, были публицистика и дидактика» [там же: 5]. Именно к этому роду относятся древнейшие дошедшие до нас письма – письма Аристотеля (Филиппу, Александру, Феофрасту), Исократа, Платона (все – IV век до н. э.). Наиболее законченную форму поучительная эпистолярная литература получила в школе Эпикура. Все философское учение Эпикура представлено в трех больших письмах к Геродоту, Пифоклу и Менекею. Примеру Эпикура следовали его ученики – Метродор Лампсакский, Гермахор и другие. Риторика систематизировала для всех форм речи и создавала штампы для описания ситуаций и поведения человека. Она обучала обобщенному восприятию отвлеченного типа, а не конкретного предмета. В учебные дисциплины риторических школ входило составление речей и писем на заданные темы и от имени заданных лиц. Такая практика эпистолярного сочинительства привела в конце концов к рождению целой литературы фиктивных писем. Постепенно определился ряд схематических требований, благодаря которым письмо превращалось в самостоятельный вид словесного мастерства, отличающийся и от устного разговора – своей стилистической отделкой, и от публичной ораторской речи – своей краткостью и относительной простотой, и от научной прозы – эмоциональным, фамильярным тоном, чуждым отвлеченному логизированию. Свою специфику письмо получало в интимной интонации, соответствующей характеру адресата». Эта теория эпистолярной прозы впервые встречается в трактате «О слоге» (περί ἑρμενεύσεως; авторство и время создания спорные). Грамматик IV века Артемон определял письмо как «половину диалога» [там же: 8]. О том, как переписывались между собой жители эллинистического мира, можно судить по тем письмам царей, должностных чиновников и частных лиц, которые дошли до нас в египетских папирусах. Тематика писем всегда конкретна.

В устойчивых формулах допускались варианты (позволялось выражения вежливости делать более сердечными или более сухими и так далее). Со временем формулы видоизменялись. Шаблонность формул вела к шаблонности интонаций. Часто письмо не только писалось, но и составлялось по заказу писцом. В эпоху Августа традицию дидактических и риторических писем восприняла римская поэзия: Гораций облачает в интимную форму посланий морализирующие рассуждения о своей жизни и свою теорию поэзии, а Овидий в «Героидах» сочиняет по их шаблонам любовные послания мифологических героинь. В I в. н. э. черты литературной условности получают дальнейшее развитие в римской эпистолографии. В греческой же литературе эпохи империи развитие жанра писем связано с особым направлением в культуре поздней античности, которое получило название второй, или новой, софистики. Это направление появилось во II в. н. э. в подчиненных Риму греческих провинциях Малой Азии и ставило своей целью добиться возрождения былого греческого красноречия путем подражания лучшим литературным образцам прошлого. Эпистолярная литература эпохи второй

софистики тематически и хронологически подразделяется на две ветви. Первая, датируемая концом II – III в. н. э., включала в себя главным образом фиктивные письма (Элиан, Алкифон, Филострат). Вторая ветвь, датируемая IV – V в. н. э., включала в себя в основном переписку литературно образованной верхушки общества (Юлиан, Либаний, Симмах и другие). В теорию эпистолярной литературы эта эпоха не вносит ничего существенно нового. Следует выделить язычника Филострата (II – III в. н. э.) и христианина Григория Назианзина (IV в. н. э.), пытавшихся дать теоретическое осмысление писем. Теория эпистолярного стиля той эпохи изложена в письме Назианзина к Никобулу. Исходя из традиционных требований ясности, краткости, общепонятности (убедительности) эпистолярного стиля, Григорий особо подчеркивает критерий соразмерности и необходимость стремиться к «простоте и близости к природе» [там же: 22-23]. Эпистолярная теория римской риторической школы известна нам по риторике Юлия Виктора (IV в. н. э.). Широкое распространение эпистолярной практики в середине IV в. н. э. связано с деятельностью риторической школы Либания.

Важно, что в античных письмовниках – сочинениях, в которых представлено теоретическое осмысление жанра писем, – есть попытки классифицировать письма. В письмовнике, предназначенном для канцелярских писцов, под названием «Типы писем» (τύποι ἐπιστολικοί) (видимо, его источники восходят ко II веку до н. э.) дается следующая классификация (в зависимости от основной мысли письма) [там же: 10]:

1. дружеский тип;	11. совещательный;
2. рекомендательный;	12. просительный;
3. пренебрежительный;	13. вопросительный;
4. упрекающий;	14. ответный;
5. решительный;	15. иносказательный;
6. порицательный;	16. объяснительный;
7. вразумляющий;	17. обвинительный;
8. угрожающий;	18. защитительный;
9. хулительный;	19. поздравительный;
10. хвалебный;	20. иронический;
	21. благодарственный.

Выработанные второй софистикой штампы эпистолярного стиля продолжают жить в литературе византийского периода. Своеобразным обобщением эпистолярной традиции античности, ее стилистических принципов и классификации эпистолярного содержания служит дошедший до нас без указания автора и приписываемый в позднейших изданиях Проклу или Либанию риторический трактат о стилях писем (epistolimaioi characteres). Здесь дается определение письма как разговора отсутствующего с отсутствующим; повторяется для обоснования требования соразмерности сравнение эпистолографа с лучником, использованное Григорием Назианзином, приводятся слова Филострата о необходимости «новое излагать общепонятно, а об общеизвестном говорить по-новому» [там же: 23] и, наконец, обосновывается подразделение писем на 41 подвид. Классификация сделана по стилистическим соображениям [там же: 23-24]:

1. убеждающее письмо;	21. утешительное;
2. пренебрежительное;	22. оскорбительное;
3. побуждающее;	23. обобщающее;
4. рекомендательное;	24. жалобное;
5. ироническое;	25. посольское;

6. благодарственное;	26. похвальное;
7. дружеское;	27. поучительное;
8. просительное;	28. обличительное;
9. угрожающее;	29. клеветническое;
10. отрицающее;	30. придирическое;
11. повелительное;	31. вопросительное;
12. покаянное;	32. ободряющее;
13. порицающее;	33. посвятительное;
14. сострадательное;	34. заявляющее;
15. заискивающее;	35. насмешливое;
16. поздравительное;	36. униженное;
17. обманчивое;	37. загадочное;
18. возражающее;	38. напоминающее;
19. ответное;	39. горестное;
20. раздражающее;	40. любовное;
	41. смешанное.

Как мы видим, в этой классификации писем, состоящей из 41 подвида, лишь 13 названий совпадают с тем, что мы имеем в более раннем разделении писем на 21 тип.

Античная эпистолография включает в себя разнообразные типы писем: публицистические письма представителей античной историографии – Платона и Исократа; письма Политика (Цицерона); письма философа Сенеки («Письма к Луцилию» Сенеки); письма знатного человека к своим друзьям (например, Плиний Младший); письма знатного ратора (Фронтон). Существуют также письма фиктивные, задуманные и написанные только как художественное произведение. Во-первых, это письма в комедии, сочиняемые комедийными персонажами Плавта (позже прием был использован Бомарше в «Севильском цирюльнике», Гоголем в «Ревизоре», Островским в «Последней жертве» и многих других произведениях). Во-вторых, это письма псевдоисторические, сочиняемые от имени знаменитых мужей прошлого (Фемистокла, Сократа и других), составлявшиеся первоначально по типу риторических упражнений на заданные темы. Преобразуемый в эпистолярную форму «исходный субстрат» приобретает в письмах новую структуру и содержание – появляется элемент вымысла, вырабатывается особый тип «идеологического конфликта», приводящего к моральной победе героя. И, наконец, в-третьих, к числу фиктивных писем относятся письма романтические, сочиняемые от лица вымышленных персонажей – идиллических рыбаков, мужиков и любовников.

Естественная для писем дидактическая тенденция становится основной функцией в посланиях апостолов (Новый Завет) и Отцов Церкви (именно с патристикой в литературу вошли такие прозаические жанры, как полемическая философская речь, богословский трактат-рассуждение, экзегеза (толкование на Библию), проповедь (гомилия), похвальное слово (энкомий, или панегирик), послание).

Эпистолярная литература – ведущий жанр византийской публицистики.

В средневековой Европе межмонастырская переписка была средством публичной богословской полемики.

Своеобразным заключением средневековой эпистолярной литературы, одновременно предвещающим эпоху Реформации, служат «Письма светлых людей» (1514) И. Рейхлина и особенно «Письма темных людей» (1515 – 1517), где пародируется как интимное, так и дидактическое послание. Традицию средневековой публичной полемики продолжают письма М. Лютера.

В Древней Руси послание – один из жанров публицистики (которая представлена, кроме того, такими жанрами, как поучение, слово, наставление, плач), получивший особое распространение в творчестве писателей-полемистов XV – XVII веков. От собственного художественного жанра публицистическое послание отличается наличием непосредственной связи содержания с конкретными, как правило синхронными времени написания фактами, проблемами и явлениями действительности, существованием конкретного адресата и определенной установки. Генетически это явление древнерусской литературы связано с посланиями апостолов и Отцов Церкви и византийской публицистикой. На Руси, где форма публичной дискуссии не была развита, полемическое ораторское искусство осуществлялось посредством писем и посланий, рассчитанных на копирование и распространение. Примеры публицистических посланий – переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского, послания старца Филофея, Иосифа Волоцкого и его оппонента Вассиана Патрикеева, Федора Карпова, Максима Грека (XVI в.); протопопа Аввакума (XVII в.) [см.: Лурье 1960; Переписка Ивана Грозного 1979; Красноречие Древней Руси 1987].

При исследовании жанра письма для нас важно сделать акцент на том, что изучение эпистолярного наследия писателей связывается с выражением духа времени, поэтому письмо может быть рассмотрено как документ эпохи и вместе с тем – как литературный памятник. Так, например, одним из исследователей творчества А. Поупа справедливо отмечено, что, вдумчиво комментируя нравы современников, «постоянно подчеркивая свое стремление занять нейтральную позицию в партийных распрях, Поуп сумел воссоздать политический дух своего времени. Не сообщая подробностей о своих произведениях, но высказывая свое мнение о них полемически заостренно, Поуп смог передать литературную атмосферу Англии первой половины XVIII в. В этом смысле его эпистолярное наследие можно рассматривать и как исторический документ, и как литературный памятник своей эпохи. Письма Поупа сыграли значительную роль в развитии теории словесного творчества, ибо после их публикации стала популярна переписка в разговорном тоне, “разговор на бумаге с другом”» [Сидорченко 1987: 17]. Аналогично рассматриваются и «парижские письма» Рильке – в них прослеживается тема распадающегося мира и тема художника в этом мире (главная тема зрелого творчества поэта), отмечается, что переписка Рильке представляет «интереснейший литературный документ эпохи» [Березина 1987: 49]. В «парижских письмах» прослеживается также связь духовных исканий Рильке с мыслью Толстого.

При рассмотрении эпистолярного наследия писателя можно выделить и иной аспект – образ адресанта, на что уже обратили внимание исследователи – в статье о письмах Шелли показывается, «как раскрывается в переписке Шелли многогранная, своеобразная личность поэта, его редчайший внутренний мир, как и в какой степени они помогают объяснить его художественное творчество», выяснить «связь прозаического и поэтического самовыражения» [Дьяконова 1987: 19].

По переписке писателя можно судить о взглядах писателя на современную ему литературу, на общественные события того времени, об оценке им собственных произведений. Кроме того, в письмах более отчетливо и открыто, чем в художественных произведениях, могут быть выражены художественные принципы и мотивы творчества писателя, его представления о задачах современного искусства и литературная борьба (эта мысль высказывается в [Фурсенко 1987: 59-67]).

Большой интерес представляют собой наиболее популярные в первой половине XVIII века, написанные в форме писем разнообразные философские, научные, религиозные, моральные трактаты. Переписка вообще была любимым способом общения французов той поры (Вольтер, например, оставил нам свою корреспонденцию, собранную в 107 томах). Один из исследователей считает, что «письма – свидетельство общего духа эпохи: они выражали всеобщее, почти бессознательное стремление к достоверности написанного и способствовали непосредственному контакту с читателем» [Разумовская 1987: 100]. Например, книга аббата Ле Блана, имеющая форму писем, – не путевой дневник, не интимная корреспонденция, а литературное и философское сочинение. «Эта книга, – пишет М.В. Разумовская, – пример эволюции, произошедшей в мышлении людей XVIII столетия, когда от писем частных стал совершаться переход к письмам литературным, не только сообщающим новые факты, но и комментирующим их, художественно выражающим то, что наиболее сильно интересовало современников» [там же]. Аббат Ле Блан «использовал эпистолярную форму, полноправно утвердившуюся в литературе и ставшую очень популярной; она обеспечивала достоверность повествования, давала возможность проявить мастерство и изобретательность, заключала в себе известную теплоту человеческой исповеди. Все это можно обнаружить в “Письмах француза” аббата Ле Блана» [там же: 107].

Следует обратить внимание на то, что «переписка позволяет воссоздать духовный и интеллектуальный облик писателя, но в еще большей степени – духовный мир целого поколения и зримую картину жизни французского общества второй половины XIX в. в самых разнообразных ее аспектах» [Владимирова 1987: 119].

Письма служат бесценным источником сведений о жизни писателя, жизни не только внешней, но и внутренней. Как пишет один из исследователей творчества Пруста, «переоценить значение эпистолярного наследия Марселя Пруста для изучения его творчества трудно. Как замечает один из крупнейших исследователей переписки французского писателя Ф. Колб, “это единственный, который когда-либо вел Пруст и, таким образом, может быть, это главный источник наших биографических и литературных сведений об этом писателе”» [Таганцев 1987: 138]. «Эпистолярное наследие Пруста, составляя единое целое с его художественным творчеством, помогает лучше понять личность писателя и генезис его книг» [там же: 144].

Зачастую «определить грань между письмом как средством передачи информации и как способом самовыражения довольно сложно. <...> Письма в прозе и в стихах представляют собой и как подлинные, и как тщательно стилизованные документы; они служат и средством панегирика, и средством полемики, нередко приобретаая, в частности, и пародийно-сатирический характер» [Елистратова 1973: 309].

В XVIII – XIX вв. эпистолярная проза тяготела, с одной стороны, к философскому трактату, с другой – к политическому памфлету. Адресат таких писем более или менее условен, ибо письмо обращено не только к конкретному лицу, но и к широкому кругу читателей. Это подтверждают такие примеры, как «Письма к Серене» Толанда, «Письмо о слепых в назидание зрячим» Дидро, «Письмо Д'Аламберу о театрах» Руссо, «Письма Юниуса», письма Дидро к Софии Волан, «Дневник для Стелы» Свифта. «Письма суконщика» Свифта выделяются среди множества политических писем-памфлетов XVIII века не только глубиной мысли и блеском сатирического изложения, но и тем, что они занимают особое место на грани между памфлетно-эпистолярной прозой и художественным вымыслом. Как правило, письма представителей литературных кружков и салонов

тщательно обдумывались и шлифовались. Письма романтиков гораздо менее отшлифованы; их отличает больший лиризм, а также наличие самоиронии, вызванной боязнью сентиментальности и выпяченной «литературщины».

Среди обширнейшего эпистолярного материала наиболее важна для нас особая его часть, близкая феномену, который, используя терминологию А. Солженицына², мы обозначили как «письмо вождю», особому эпистолярному жанру, актуализировавшемуся в России в 20-е – 50-е годы прошлого века, но сформировавшемуся и функционировавшему задолго до этого времени. Нас интересовал в первую очередь материал писем или переписки деятелей культуры разных времен и властителей. Действительно, формирование и развитие жанра, который мы обозначили как «письмо вождю», можно проследить, в частности, на русском материале, хотя письма меценатам и правителям известны с античных времен.

В России жанр «письма вождю» имеет определенную историю бытования. Один из его жанровых предшественников – слезницы на монаршьё имя, однако мы обратимся к более известному и типологически близкому памятнику – письмам князя Андрея Курбского Ивану IV Грозному из польской Ливонии, куда наместник царя в городе Юрьеве (Тарту) бежал в 1504 г., почувствовав скорую опалу и желая избежать той страшной участи, которой удостоились многие влиятельные лица из окружения Ивана Грозного в период разгула опричнины. Обосновывая свой отъезд и отчасти убеждая самого себя и предполагаемых читателей (общественность) в вынужденности своего предательства, Курбский посылает царю одно за другим пять посланий, в которых обвиняет его в неслыханных гонениях против бояр и воевод, упрочивших его трон и покоривших Руси «прегордые царства». В его посланиях эпоха царствования Ивана Грозного предстает как бы состоящей из двух половин: первая, когда царь имел добрых советников (в том числе Курбского), правил мудро и прирастил российские территории, и вторая, когда, отринув благородных и честных людей из ближайших соратников, правитель стал слушаться злых «ласкателей». «Царю, богом препрославленному и среди православных всех светлее явившемуся, ныне же – за грехи наши – ставшему супротивным... совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных», – начинает Курбский свое первое послание [Переписка Ивана Грозного 1979: 119].

Таким образом, вину за свой отъезд и вынужденную измену Курбский возлагает на самого Грозного. По мнению исследователей этой переписки, в ней слишком очевидно (при всем том, что факты злодеяний царских опричников, конечно, достоверны, – хотя иногда они представлены через аллегории, парафразы, без прямого указания на жертвы гонений, а позиция властителя очерчена убедительно) желание автора оправдать свое недавнее влиятельное положение в Московском государстве, представить себя человеком принципиальным, которого обстоятельства вынудили покинуть родину, на благо которой он долго трудился, а также человеком утонченной западной культуры (его письма искусно построены, с использованием основных правил эпистографического искусства, в них цитируются античные философы и отцы церкви) [см. об этом, например: Лихачев 1979: 183-213]. Письма не остались без ответа: Иван Грозный шлет Курбскому экспрессивные, лишённые риторических изысков (даже нарушающие «литературный этикет» своего времени) послания, в которых бранит врага, угрожает, хитрит, лицедействует. По мнению Д.С. Лихачева, Грозный был много талантливее Курбского как писатель, хотя не осознавал себя таковым. Но для нас в границах данной работы важно указание на исторический аналог ряда текстов, здесь анализируемых: письма средневекового писателя тирану отчетливо инвективной направленности.

Пример иного рода эпистолярного общения литератора с правителем дает эпоха царствования Екатерины II. Ограничиваясь российским материалом, мы не останавливаемся здесь на ее переписке с Вольтером (лишь отметим уникальность ситуации, создавшей русской императрице репутацию просвещенной и лояльной правительницы в глазах европейской общественности). Назовем в этой связи имя русского просветителя и журналиста Н.И. Новикова, главного редактора ряда сатирических журналов («Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек»), которые полемизировали с официальным органом «Всякая всячина», где под псевдонимом помещались материалы, написанные самой императрицей, что не являлось тайной для большинства читателей. Как известно, взаимоотношения «Живописца» и его редактора с Екатериной были очень сложны: поведение и стиль письма своенравного, правдолюбивого, нередко желчного литератора выходили за пределы монаршей лояльности, что приводило к обострению ситуации и закрытию сатирических органов. На страницах журнала «Живописец» Новиков обращается к императрице (естественно, поддерживая игру и называя адресата «неизвестным г. сочинителем «О, время!»³). Это посвящение написано в хвалебном тоне, достоинства сочинения и его автора явно преувеличены. Вероятно, это была достойная и корректная попытка несговорчивого журналиста примириться с Екатериной. Он даже приглашает «г. сочинителя» участвовать в «Живописце». В листе 7 помещен ответ Екатерины на обращение редактора: она комментирует свою комедию, но на приглашение к сотрудничеству отвечает вежливым отказом. Это своеобразное «открытое» письмо Новикова властительнице, официально остающейся инкогнито, что придает переписке заманчивую иносказательность и определяет ее язык и стиль (мнимый адресат – коллега по перу), – имело широкий резонанс в свое время. «Живописец» продолжал время от времени в разных формах полемизировать с правительницей.

Большой интерес представляют письма Пушкина Александру I (1825 г.) и Николаю I (1826 г.). Все они заканчиваются просьбой отпустить адресанта на лечение «аневризмы сердца» за границу, в Москву или Петербург (из Михайловского), которая так и не была удовлетворена. Пушкинские апелляции к гуманности властей и попытки вырваться для смены впечатлений из России как будто предваряют аналогичные движения ряда советских писателей в 20-е – 30-е годы XX века. Есть в пушкинских посланиях и другие важные мотивы. Так, в черновике письма Александру I (лето 1825 г.) поэт излагает давнишнюю историю о сплетне, связанной с тем, будто бы его высекли в тайной канцелярии. Ему приходили в голову мысли о дуэли и самоубийстве. Пушкин пишет: «Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации – я чувствовал бесполезность этого» [Пушкин 1977-1979: т. 10, 617]. Ситуация почти архетипическая для сюжета «поэт и власть» – и она настойчиво и многократно повторяется в советской России и СССР (например, вынужденные оправдания многих деятелей искусства и литературы, прозвучавшие в письмах «наверх», в том числе и тех, что выбраны для анализа в данной работе, советы доброхотов опальным литераторам написать «коммунистическую пьесу», «оду вождю», статью с отречением от своих былых идеалов и товарищей), естественно сближая эпохи самодержавного императора и коммунистического диктатора (причем не в пользу последнего).

Далее Пушкин в том же письме императору характеризует свое поведение следующим образом: «Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне как к преступнику, я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести». При этом в обращении к адресату поэт весьма почтителен

(«я всегда проявлял уважение к особе вашего величества» [там же]). Это соединение дерзости и достоинства по отношению к власти (ведь согласно дуэльной этике, актуальной для пушкинской эпохи, невозможно сражаться с недостойным противником), конечно, в очень сглаженной форме можно усмотреть и в некоторых позднейших текстах: например, в эпатирующих нотках в булгаковском письме Правительству СССР, когда он утверждает вопреки официальной «теории единого потока» и гонениям на сатиру, что является «мистическим писателем» и сатириком по преимуществу, и просит не разрешения выехать, а «изгнания за пределы СССР», или в сдержанно-ироничном послании Замятина Сталину, где он называет себя «чертом советской литературы» и приводит положительные отзывы на его запрещенную пьесу «представителей 18 ленинградских заводов».

Докладные записки Тютчева Николаю I (1843 – до сих пор не обнаружена – и 1845), введенные в научный оборот еще И.С. Аксаковым, вписываются в контекст тютчевской публицистики (см. его политические сочинения «Россия и революция», «Папство и Римский вопрос»). А.А. Осповат пишет: «Даже при беглом обзоре имеющихся данных бросается в глаза, что жанр и тематика тютчевских “записок” 1843 и 1845 гг. описывались тождественно: обе они обращены к императору и трактуют “восточную политику” России» [Осповат 1992: 90]. Этот же исследователь утверждает: «Есть основания полагать, что докладная записка 1843 г. включала тот пункт, которым завершается текст 1845. Разница, конечно, заключалась в объеме изложенных здесь изображений и расстановке некоторых акцентов» [там же: 95]. В своей «записке» 1845 г., написанной по-французски, Тютчев пишет, что «Восточная Церковь есть законная Наследница Всемирной» [Тютчев 1992: 110], высказывает мысль о сакральной роли монархии и необходимости «захвата» какой-либо уважаемой немецкой газеты для проведения через нее русской политики; рассуждает о недоброжелательном отношении к России со стороны Европы. Тютчевская трактовка славянского вопроса не могла в то время появиться в печати, так как в то время николаевское правительство соблюдало интересы дружественных Австрии и Турции. Тютчев отмечает, что православный Восток объединяется православной церковью и что русский император – единственный законный правитель Востока.

Писали официальным властителям и властители дум 2-й половины XIX века – Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой.

В 1859 г. Достоевский пишет Александру II из Твери, где он жил после каторги. В этом смиренном письме писатель обращается к наследнику с двумя просьбами: позволить ему поехать в Петербург лечиться от падучей и устроить его пасынка в гимназию за казенный счет. Иного плана два письма 70-х гг., адресованные наследному цесаревичу Александру Александровичу (будущему Александру III). Оба письма являются более или менее развернутыми сопроводительными текстами к высылаемым царственной особе сочинениям писателя: роману «Бесы» (письмо 1873 г.) и «Дневнику писателя» (письмо 1876 г.)⁴. В первом из них он называет роман «почти историческим этюдом», который объясняет, как в русском обществе могут формироваться «такие чудовищные явления, как нечаевское преступление». Он подчеркивает неслучайность этого явления, считая, что оно – «прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни». Писатель излагает далее основы своей философии («почвенничества»), указывая, что выбор Россией европейской ориентации является ошибочным: «раз, с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном

развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития» [цит. по: Достоевский 1928: т. III, 260]. Достоевский пишет о родственности и преемственности идей Белинского, Тряповского и других мыслителей «западнического» толка и идей Нечаева – эту мысль считает основополагающей для романа «Бесы», выражая надежду на то, что будущий властелин земли русской обратит внимание на эту опасную язву «нашей цивилизации».

Второе письмо сопровождает посылаемый Александру III «Дневник писателя», многие страницы которого также посвящены «русской идее», т.е. утверждению исторической миссии России и ее народа, которую им предназначено исполнить в жизни всего человечества и славянства в частности. Письмо лаконично по мысли, но выдержано в характерном для аналогичных текстов на имя государей верноподданническом тоне, с каскадом смиренных извинений за смелость и выражений «беспредельной любви» и «благоговейного уважения» к императорскому высочеству со стороны «благодарного и преданнейшего слуги» и т.п.

Обширный материал для исследований дают обращения Л.Н. Толстого к царям и царскому правительству. Среди этих обращений – прошения (например, письмо 1861 г. на имя министра народного просвещения Е.П. Ковалевского о разрешении издания журнала «Ясная поляна» [Толстой 1928-1964: т. 8, 367-369], письмо 1872 г. министру народного просвещения Д.А. Толстому по поводу «Азбуки» [там же: т. 17, 331-335, 710-713; т. 61, 338-340; т. 62, 81-83]), протесты (письмо 1862 г. Александру II с протестом против оскорбительного обыска, проведенного в его отсутствие в Ясной Поляне [там же: т. 60, 440-442]), заступничества (письмо 1894 г. Александру III [там же: т. 67, 4-11], письмо 1896 г. министру внутренних дел И.Л. Горемыкину и министру юстиции Н.В. Муравьеву [там же: т. 69, 83-89], письма 1897 и 1900 г. Николаю II [там же: т. 70, 72-76, 140-141; т. 72, 514-522], письмо 1905 г. министру внутренних дел А.Г. Булыгину [там же: т. 76, 18-19], 1907 и 1908 г. П.А. Столыпину [там же: т. 77, 228; т. 78, 209-210]), политические письма (письмо 1881 г. Александру III [там же: т. 63, 44-56], письма Николаю II 1901 г. – озаглавлено «Царю и его помощникам» – и 1902 г. [там же: т. 34, 239-244; т. 73, 184-197]; к письму «Царю и его помощникам» примыкает «Воззвание» [там же: т. 34, 325-328]). Кроме того, Толстой вступил в эпистолярную полемику с П.А. Столыпиным по поводу земельной реформы [Лев Николаевич Толстой 1928: 91-92; Толстой 1928-1964: т. 57, 227-228; т. 77, 164-170, 180-182; т. 78, 41-45; т. 80, 79-82] и в личную переписку с великим князем Николаем Михайловичем [Переписка Толстого 1939: 290-323; Толстой 1928-1964: т. 73, 165-166, 181-182, 183-184, 228-231, 236-240, 281-282, 292; т. 74, 34-35, 93-94, 214-215, 232-233; т. 75, 116-117; т. 76, 31-32, 40-41, 90-91, 175-176; т. 77, 185; т. 78, 72-73; т. 88, 251-252].

В завершение надо упомянуть об оправдательных письмах, направленных А. Грином царю и министру внутренних дел (1910) [Воспоминания об Александре Грине 1972: 468-470]. Опубликовано только одно из них – министру, – датированное 1.08.1910 г. В нем писатель уверяет: «... в мирозерцании моем произошел полный переворот, заставивший меня резко и категорически уклониться от всяких сношений с политическими кружками <...>. Произведения мои, художественные по существу, содержат в себе лишь общие психологические концепции и символы и лишены каких бы то ни было тенденций» [там же: 469]. Грин просит позволить ему жить в провинции. К этому моменту Грин, давно порвавший с эсерами, уже не примыкал ни к каким политическим партиям. Однако эти прошения ни к чему не привели.

В советское время, как уже говорилось, письма «наверх» перестали быть явлением единичным (в том числе в среде литераторов и деятелей культуры), превратившись в явление массового характера. В указанную эпоху «письмо вождю» приобрело массовый характер, письма шли потоком невиданного ранее размера. Большую их часть составляли рапорты, приветствия, телеграммы, поздравления; другой (темный) поток – анонимные письма. Тоталитарный режим, взявший на себя организацию «всеобщего счастья» для народа, рассчитывал в ответ на полную власть над каждым его представителем, вплоть до вмешательства в частную жизнь и профессиональную деятельность, на встречное движение со стороны ослепленных идеей и любовью к вождю, а также озабоченных «чистотой рядов» масс. Оно выразилось, в частности, в этом потоке славословий и наветничества. Иным пафосом были наполнены миллионы жалоб, отправленных на имя Сталина и его соратников, в которых родственники невинно осужденных, жертвы чисток, люди, лишенные доброго имени, писали любимому вождю, надеясь (в большинстве случаев напрасно) на восстановление справедливости. «Возникло нечто вроде всенародной почтово-телеграфной эпидемии», – констатирует один из исследователей сталинской эпохи [Поповский 1991: 217].

В этом мощном потоке «писем вождю» особую историческую, культурную, эстетическую ценность представляют те, что написаны представителями творческой интеллигенции, которые были вынуждены обращаться к власти в силу сложившихся обстоятельств, порой крайних и трагических, когда они оказались обречены на творческую смерть, арест, эмиграцию или уже вкусили от этой горькой чаши. Так, среди проанализированных в данной работе текстов есть написанные в эмиграции (А. Аверченко, Ф. Раскольников), в тюрьме (А. Богданов), перед самоубийством (А. Фадеев), на грани нищеты и в ситуации ожесточенной травли (М. Булгаков, Е. Замятин). Эти письма позволяют представить бедственное положение значительной части русской интеллигенции в СССР и одновременно увидеть подлинный духовный мир этих людей, а также получить еще одно красноречивое свидетельство о том изуверском строе жизни, в котором пребывала страна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под этим термином принято понимать «переписку, изначально задуманную или позднее осмысленную как художественная или публицистическая, предполагающая широкий круг читателей. Такая переписка легко теряет двусторонний характер и превращается в серию писем к адресату, условному или номинальному» [ЛЭС 1987: 517].

2. «Письмо вождям Советского Союза» написано А.И. Солженицыным в 1973 году и в 1974 году опубликовано издательством «УМСА-Press». Термин Солженицына показался нам очень удачно и емко отражающим суть явления.

3. Имеется в виду не очень удачный опыт русской императрицы в драматургической области – ее комедия «О, время!».

4. Александр III интересовался творчеством Достоевского. По свидетельству жены писателя А.Г. Достоевской, наследник «в разговоре с К.П. Победоносцевым выразил желание знать, как автор «Бесов» смотрит на свое произведение. В начале 1873 года вышло отдельное издание этого романа, и тогда, через К.П. Победоносцева, Федор Михайлович поднес книгу его высочеству, сопроводив... письмом» (цит. по: [Достоевский 1928: т. III, 69]).

ЛИТЕРАТУРА

Античная эпистолография 1967 – Античная эпистолография. Очерки. Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1967.

Березина 1987 – *Березина А.Г.* Париж в письмах Рильке 1903 г. // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.

Владимирова 1987 – *Владимирова М.М.* О некоторых аспектах переписки Э.Золя с «младшими» натуралистами (Золя и Сепар) // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.

Воспоминания об Александре Грине 1972 – Воспоминания об Александре Грине. Автобиографическая повесть. Воспоминания. Вокруг Александра Грина. Л., 1972.

Достоевский 1928 – *Достоевский Ф.М.* Письма. М., 1928.

Дьяконова 1987 – *Дьяконова Н.Я.* Письма Шелли // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.

Елистратова 1973 – *Елистратова А.А.* Эпистолярная проза романтиков // Европейский романтизм. М., 1973.

Красноречие Древней Руси 1987 – Красноречие Древней Руси (XI – XVII вв.). Составление, вступительная статья, подготовка древнерусских текстов и комментарии Т.В. Черторицкой. М., 1987.

Лев Николаевич Толстой 1928 – Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М.-Л., 1928 [1929].

ЛЭС 1987 – Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

Лихачев 1979 – *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Серия «Литературные памятники». Л., 1979.

Лурье 1960 – *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – XVI века. М.-Л., 1960.

Осват 1992 – *Осват А.Л.* Новонайденный политический меморандум Тютчева: К истории создания // Новое литературное обозрение, 1992, № 1.

Переписка Ивана Грозного 1979 – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Серия «Литературные памятники». Л., 1979.

Переписка Толстого 1939 – Переписка Толстого с Н.М. Романовым. Предисловие Д. Заславского. Публикация С. Шамбинаго // Литературное наследство. Т. 37-38. Л.Н. Толстой. II. М., 1939.

Поповский 1991 – *Поповский М.* Дело академика Вавилова. М., 1991.

Пушкин 1979 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977-1979.

Разумовская 1987 – *Разумовская М.В.* Аббат Ле Блан: «Письма некоего француза о способах правления, политике и нравах англичан и французов» // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.

Сидорченко 1987 – *Сидорченко Л.В.* Эпистолярное наследие Александра Поупа // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.

Таганцев 1987 – *Таганцев А.Н.* Переписка М. Пруста 1880 – 1890-х годов // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.

Толстой 1928-1964 – *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928-1964.

Тютчев 1992 – *Тютчев Ф.И.* Докладная записка императору Николаю I. 1845. Публ. и прим. А.А. Осповата. Пер. с фр. В.А. Мильчиной // Новое литературное обозрение. 1992, № 1.

Фурсенко 1987 – *Фурсенко А.М.* Письма Альфреда Деблина и духовная жизнь эпохи // Зарубежная мемуаристика и эпистолярная литература. Межвузовский сборник. Отв. ред. Е.Е. Балахонов. Проблемы истории зарубежных литератур. Выпуск 3. Л., 1987.